

Неизвестный Кузмин

Итак, Кузмин дождался своего часа.

Вытесненный из литературной жизни, заживо похороненный в советской России, от случая к случаю поминаемый после физической смерти (умер 1 марта 1936 года в б. Мариинской больнице в Ленинграде) — то в контексте ритуальных анафематствований упадочной литературы, установленных в 1946 году, то в обзорах литературных течений дореволюционной эпохи, то в воспоминаниях зажившихся на этом свете своих младших современников, он с конца 1980-х годов вновь находит дорогу к российскому читателю.

Издаются книги его стихов, прозы и критики, монографии, посвященные жизненному и творческому пути, предпринята публикация многотомного Дневника.

Необходимо отметить, что почва для всего этого была подготовлена Мюнхенским трехтомным «Собранием стихотворений» Кузмина 1977 г. в сочетании с двенадцатитомным собранием «Прозы», в т.ч. критики, и двухтомным «Театра», выпущенными университетом в Беркли, Калифорния, в 1984-2000 гг.

В свою очередь, эта работа опиралась на изыскания, начатые еще в конце 1960 — начале 1970-х годов ленинградским критиком и переводчиком Г.Г.Шмаковым до его эмиграции из СССР.

Казалось бы, собрано все из опубликованного Кузминым при жизни или уцелевшее из неопубликованного (немалая часть архива поэта была конфискована НКВД в 1938 году после ареста друга и наследника Кузмина Ю.И. Юркуна).

Однако это не так. В ходе моих архивных занятий в Москве и Ленинграде в 1975-1985 гг. я старался копировать не изданные к тому времени произведения, и девять стихотворений из них не увидели света и по сей день. Наиболее представительное российское собрание поэзии Кузмина выпустила «Библиотека поэта. Большая серия» двумя изданиями с небольшим перерывом (в 1996 и 2000 гг.) — второе понадобилось, чтобы исправить опечатки первого: почтенно, но как бы сказать — накладно для тех, кто потратился на дефектный текст, а хотел бы теперь иметь подлинный.

Но с этой книги и взятки гладки, ибо принципы ее составления сформулированы неопределенно: «настоящий сборник не может претендовать на исчерпывающую полноту (...) подбора текстов (по условиям издания тексты, не включенные в авторские сборники, представлены весьма выборочно...)»

Но чем руководствовался составитель в своем выборе не собранных автором стихотворений, да и всегда ли безусловен приоритет авторских сборников, это законно возникающие, но не случайно безответные вопросы: при таких «условиях издания» не надо вступать в объяснения даже по поводу пропуска первоклассных стихотворений («Намек на жизнь, намеки на любовь...»), не говоря уже о том, что позволительно «двадцать лет спустя» выпустить в той же «Библиотеке поэта» Федора Сологуба стереотипно, хотя в т.н. Пушкинском доме хранится немало до сих пор не изданных стихотворений Сологуба 20-х годов, невозможных для опубликования в СССР и остающихся под спудом и в нынешней России.

В отличие от издания «Библиотеки поэта», Мюнхенское «Собрание стихотворений» не декларировало выборочности несобранных и неопубликованных текстов (более того, в число их попал даже такой сомнительный с точки зрения подлинности, как «Пушкин едет на дуэль» — из бумаг Кузмина, но написанный чужой рукой, без обозначения авторства). В распоряжении издателей Мюнхенского собрания — непосредственно или через Г.Г.Шмакова — были многие архивные материалы из СССР, во всяком случае, материалы тогдашних ЦГАЛИ и Публичной библиотеки в Ленинграде. Остается только недоумевать, почему за бортом и этого издания остались предлагаемые сегодня вниманию читателя стихотворения.

Считается, что Кузмин поэт очень не ровный. Не сразу нашел себя, а, найдя, не всегда проявлял к себе должную требовательность. Жеманничал, жантильничал, небрежничал, затем не вполне органично усвоил эзотерическую тайнопись и экспрессионистскую иррациональность.

Может быть, отчасти это справедливо, хотя к поэтам такого ранга, как Кузмин, понятия «лучше», «хуже» применимы лишь условно: все, написанное ими, интересно, и не только потому, что носит отпечаток их неповторимой личности, но и отмечено тем уникальным своеобразием, которое присутствует в любом «пустячке» настоящего художника. Это своеобразие поэзии Кузмина в ее безыскусности (когда естественной, когда намеренной; когда исконной, когда искомой — не все ли равно) — и это «несмотря» на «мирискусничество», «сомовщину», гомосексуальное жеманство, гностические шифры или экспрессионистские ребусы.

Человек большой культуры, в поэзии он был не менее естествен, непринужден, чем Хлебников или Ксения Некрасова. Хотя до конца дней благоговел перед Габриэлем Д'Аннунцио (курьеза ради отметим, что и друг молодости Кузмина Георгий Чичерин, приехавший в 1922 году в качестве наркоминдела РСФСР на Генуэзскую конференцию, счел необходимым встретиться с тогда уже решительно примкнувшим к Муссолини поэтом — их встреча отражена в выставочном павильоне виллы Д'Аннунцио в Гардоне Ривьера на озере Гарда).

Когда-то, уже сильно давно (чуть ли не в конце 1950-х годов) один из издателей Мюнхенского «Собрания стихотворений» американский профессор Владимир Марков назвал Кузминскую безыскусность «бесстильностью» и поставил его в этом смысле наряду с Фетом. Время подтвердило эту оценку, в свое время прозвучавшую парадоксально. Хотя и сейчас порой сталкиваешься с невосприимчивостью к поэзии, не говоря уже о прозе Кузмина, с подозрениями в том, что критические восторги кипят перед пустотой, что Кузминская безыскусность означает попросту «без искусства» (если прибегнуть к словам Сомова о повести «Калиостро»),

Это не удивительно. Поэзия Кузмина не «казовая», не прибегающая к «обнажению приема», демонстрированию «мастерства». Непонятно, в чем собственно поэтическое колдовство таких строк, как «Стояли холода, и шел «Тристан», или «Да и я не скажу: До свиданья», или «Бывают мгновенья, когда не требуешь последних ласк». Наверное, все в той же «безыскусности», «непридуманности», благодаря которой Кузмин находил читателя подчас в самой неожиданной среде. Так, в книге воспоминаний писателя Леонида Пантелеева, изданной в 1966 году, было рассказано, как на поднятой однажды со дна Ладожского озера затонувшей барже нашли матросский сундучок с обвернутым в белый плат томиком Кузмина.

Пожалуй, Кузмин один из немногих русских поэтов, которому удавалось никогда (или почти никогда) не быть «пиитом».

Но что удивительно, это проявилось у него сразу. Мы публикуем самый ранний из известных ныне стихотворных опытов Кузмина — «Отрывок» 1894 г.

В нем все необычно — и «местный колорит» в духе Андрея Печерского или Нестерова (до создания Нестеровым пейзажно-созвучных полотен), и приглушенно звучащие, хотя и ощутимые гомосексуальные обертоны, но, прежде всего, разговорная непринужденность стиха, близкого к верлибру, в годы, когда в России о нем никто и не помышлял.

Пожалуй, это наиболее интересное из предлагаемых читательскому вниманию стихотворений. Стихотворения 1909—1910-х гг., при всей их технической умелости, только расширяют наши представления о поэзии Кузмина, но существенных коррективов в них не вносят. Зато поздний черновой, не отделанный текст, относящийся, судя по археографическим признакам к 1923-1924 гг., «Дорога тяжелая, черная, пыльная...» говорит не только о верности Кузмина свободному

стихосложению, веку в развитии которого он обозначил своими «Александрийскими песнями» (1906); здесь звучит ранее не свойственная поэзии Кузмина тема отцовства в сочетании с ощущением изгойства, нищенства, отверженности:

*В пыли и в лохмотьях, под зноем томительным,
Мы молча идем ... еще долг наш путь...*

Поэту предстояло идти этим путем еще двенадцать лет, хотя его недоброжелатели считали, что ему в конце концов повезло: он умер в преддверии большого террора, жертвой которого он непременно бы стал.

Текстам публикуемых ниже стихотворений предпосылается автобиография М.А.Кузмина из альбома №2 литератора П.Н.Медведева (Российская национальная, б. Гос. публичная библиотека в СПб., Ф.474). Возможно, что она была написана для «Словаря русских поэтов и поэтесс», затеянного в Берлине П.Я. Заволокиным в 1922 г. Сообщаемый в ней Кузминым год рождения является вымышленным (вместо 1872). Автобиографию дополняет список отдельно изданных книг Кузмина.

Интересные, не налагающиеся на автобиографию сведения содержатся в ответах Кузмина 1928 года на анкету для неосуществленного «Словаря современников» Г.Г. Бродерсена. (РНБ, Ф.103. 85, л. 2-2 об.). Не все из них можно считать безусловно достоверными (принимая во внимание нечуждость Кузмина мистификациям, а также вынужденную необходимость вуалировать дореволюционное прошлое в послереволюционные годы — отец, хотя и из помещиков, но мелких, к тому же в роду старообрядцы, дискриминируемые), но тем не менее утверждением Кузмина, который, как известно, прошел через увлечение старообрядчеством, о предках-раскольниках, а также упоминанием об учебе в университете не следует полностью пренебрегать, и все же они почему-то не привлекли внимания биографов Кузмина.

Стихотворения печатаются по следующим источникам: Отдел рукописей Рос. нац. библиотеки — Ф.774 (А.И.Тиняков). 52, л.1-1 об., 4 об.(№№1, 8), Ф.400 (М.А.Кузмин). 1.4, л. 25, 26 (№9); Рос. гос. архив литературы и искусства — Ф.5 (И.Ф.Анненский). 1.111, с. 101 (№ 2), Ф. 232. М.А.Кузмин).1.6, л.6,7, 66, 71 об., 73 об., 74, 216, 217 (№№ 3—7).

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в городе Ярославле 6-го Октября 1875 года. Оттуда же происходила и вся моя родня с отцовской стороны. Прапрадед со стороны матери был французский актер Офрэн, пользовавшийся широкою известностью и выступавший в Петербурге. Это единственное артистическое имя в восходящем поколении. С.Ауслендер, как сын моей сестры, приходится мне племянником. Ребенком я был поздним, так как отцу моему было уже 50 лет, а матери за сорок, когда я родился, и ближайший ко мне брат был старше меня больше, чем на десять лет.

Детство я провел в Саратове и в течение лет чаще других мест России бывал в приволжских губерниях (Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской).

Знакомы мне также центр и север России (Московская, Владимирская, Рязанская, Тамбовская, Смоленская, Псковская, Новгородская, Вологодская и Олонецкая губернии). Юга же России, хотя я и был проездом в Киеве, Варшаве и Одессе, я не знаю и не очень люблю. За границей я бывал в Египте, Турции, Греции, Германии и дольше всего в Италии.

С 1886 года Петербург сделался местом постоянного моего жительства, где я учился (в 8 гимназии и консерватории) и где протекала моя литературная деятельность. До 1903 года я не думал о литературе, готовясь быть композитором. Первые опыты были задуманы как тексты для музыки, и только потом друзья обратили мое внимание, что эти «слова» могут иметь и самостоятельное значение.

Огромное влияние на меня оказал Г.В.Чичерин, большой и единственный друг моей юности, и семейство Верховских, интересовавшееся новым русским искусством.

Кружок «Мира искусства» (С.Дягилев, Сомов, Бакст, Нувель) и «Вечера современной музыки» (Нурок, Каратыгин) были обществами, с которыми я вначале был связан более всего.

В 1905 году впервые напечатался в альманахе «Зимний сборник», изданном Верховскими. В том же году через Сомова познакомился с Вяч. Ивановым, где встретился с В.Брюсовым, пригласившим меня в «Весы».

Второй волной дружества была группа московских художников (Судейкин, Сапунов, Феофилактов, Арапов, Ларионов, Кузнецов), театр Комиссаржевской и Мейерхольд.

Затем основание с Мейерхольдом и Сапуновым «Дома интермедий» и участие в редакционной работе «Аполлона» были до некоторой степени общественными моими занятиями. Впрочем, «Дом интермедий» просуществовал очень недолго, а с группой «Аполлона» и с Цехом поэтов я скоро разошелся.

Некоторое время стоял я очень близко к журналу «Жизнь искусства» и к Б. драм. театру.

Последние годы группа друзей и единомышленников объединилась под названием «эмоционалисты», и мы издали альманах «Часы» и 3 выпуска «Абраксаса». Группа эта состоит из К.Вагинова, В.Дмитриева, Б.Папаригопуло, Адр.Пиотровского, Анны Радловой, С. Радлова, Юр. Юркуна и меня.

Таково положение дел в настоящее время.

Ниже прилагается список отдельных книг, вышедших за этот период.

Как критик и поэт, участвовал я в газетах и журналах: «Весы», «Золотое руно», «Перевал», «Утро России», «Русская мысль», «Северные записки», «Нива», «Огонек», «Аргус», «Лукоморье», «Солнце России», «Биржевые ведомости», «Творчество», «Москва», «Сатирикон», «Галчонок», «Мухомор», «Жизнь искусства», «Веч. Красная», «Московские известия», «Новая Россия», «Накануне», «Театр» и др.

Как переводчик, перевел я «Фиаметту» Боккаччо, стихотв. Бердсли, Уайльда, Ренье и Ронсара; переводил и редактировал сочинения Ан. Франса для «Всемирной литературы» и теперь перевожу и редактирую Анри де Ренье для издательства «Academia».

В смысле музыки за последние годы я ограничивался музыкой к разным пьесам для театра и написал большое камерное произведение «Лесок», текст которого был издан отдельно.

Я не знаю, кто имел на меня влияние, судить об этом предоставляю критикам, но могу перечислить отстоявшиеся свои поэтические симпатии. Две эпохи в литературе производят на меня непередаваемое впечатление: елизаветинцы и «Буря и натиск» в Германии. Затем отдельные поэты: Шекспир, Гете, Гофман, Бальзак и Диккенс, из более современных — А.Франс. Русские: Пушкин, Достоевский и Лесков.

Из современников всецело заинтересован экспрессионистами. Из русских высоко ценю Хлебникова, Анну Радлову, Вагинова, Ремизова, Юркуна и Пастернака.

От пристрастий, разумеется, я не гарантирован.

Список отдельных книг М.А.Кузмина

1. Приключения Эме Лебефа	- 1907
2. Три пьесы	- « -
3. Крылья (Скорпион)	- « -
4. Сети (Скорпион)	- 1908
5. Комедии (Оры)	- 1909

6. 1-я книга рассказов	- 1910
7. 2-я книга рассказов (Скорпион)	- « -
8. Куранты любви (Скорпион)	- « -
9. Осенние озера (Скорпион)	- 1912
10. 3-я книга рассказов (Скорпион)	- 1913
11. Глиняные голубки (Семенов)	- 1914
12. Покойница в доме (Семенов)	- « -
13. Плавающие-путешествующие (Семенов)	- 1915
14. Военные рассказы (Лукоморье)	- « -
15. Зеленый соловей (Семенов)	- « -
16. Тихий страж (Семенов)	- « -
17. Венецианские безумцы (Кожебаткин и Блинов)	- 1915
18. Антракт в овраге (Семенов)	- 1916
19. Девственный Виктор (Семенов)	- 1918
20. Вожатый (Прометей)	- « -
21. Бабушкина шкатулка (Семенов)	- « -
22. Двум (Сегодня)	- 1919
23. Жизнь Калиостро (Странств. энтузиаст)	- 1919
24. Занавешенные картинки	- 1920
25. Вторник Мэри (Петрополис)	- 1921
26. Нездешние вечера (Петрополис)	- « -
27. Эхо (Картонный домик)	- « -
28. Лесок (Неопалимая купина)	- 1922
29. Условности (Полярная звезда)	- 1923
30. Параболы (Петрополис)	-1923

Ответы на анкету для «Словаря современников»

1. Фамилия, имя и отчество *Кузмин Михаил Алексеевич*
2. Псевдоним *М.К.; М.А.*
3. Социальное положение и профессия *писатель и композитор*
4. Специальность
5. Дата и место рождения *6 Октября (ст.ст.) 1875 гор. Ярославль*
6. Сведения о родителях: О. (имя и отчество) *Алексей Алексеевич Кузмин (1812—1886)*
М. (имя, отчество и девичья фамилия) *Надежда Дмитриевна Федорова (1834—1904)*
О. *бывший морской офицер, потом служил по выборам (Ярославская губ.)*
М. *Дочь инсп. класс. театр. училища*
7. Сведения о предках по отцу и матери.
О. *мелкие помещики Ярославской губернии (были старообрядцы)*
М. *Бабушка-французженка, внучка известного франц. актера Оффрена (Auffrin)*
8. Семейное положение (с указанием имен родителей жены или мужа) *холост.*
9. Сведения о детях: С. (имена, год рождения)
Д. (имена, год рождения)

10. Образовательный ценз (школа, вуз, втуз и т.п.) *гимназия, университет, консерватория (класс композиции у Римского-Корсакова)*
11. Партийность *беспартийный*
12. Принадлежность к союзу или организации *Союз писателей, Союз поэтов, МОДПиК¹*
13. Служба и др. биографические данные
Вообще не служил. Участвовал в журн.: «Весы», «Золотое руно», «Перевал», «Русская мысль», «Сев. записки», «Аполлон» (близкое участие), «Нива», «Огонек» и т.п. Служил некоторое время Тео², как член редколлегии «Жизнь искусства», искусства», и один год в БДТ, как зав. лит. частью (после смерти Блока)
14. Научные труды, сочинения, композиции, сооружения, картины, роли и т.д.
1. *6 книг стихов («Сети», «Осенние озера», «Глиняные голубки», «Вожатый», «Нездесьние вечера», «Параболы»). «Александрийские песни».*
2. *14 книг прозы («Прикл. Эме Лебефа», «Крылья», «Калиостро», «Подвиги Александра», «Нежный Иосиф», «Мечтатели», «Тихий страж», «Плавающие путешественники»).*
3. *Муз.: «Александрийские песни», «С Волги», «Духовные стихи», «Детские песни», муз. к пьесам «Эуген Несчастный», «Шут Тантрис», «12 ночь» и т.п.*
4. *Перев.: «Фиаметта» Бокаччо; Ренье; Меримэ; Апулей. Переводы на нем. яз. моих книг вышло 8 книг.*
15. Любительские занятия
16. Местоожительство — *Ленинград, ул. Рылеева, № 17, кв. 9.
24 октября 1928 М. Кузмин*

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Отрывок

П.

Ах, Федя, спустимся к реке; смотри,
Пастух погонит скоро стадо, ишь замычали,
А Ванька хлопает бичом, пылит дорогу,
Корова-то, корова-то, смотри-ка, как не сорвется вниз?
Ну, что ж, идем?

Ф.

Зачем спускаться?

С Венца так хорошо видать —
Леса за Волгой, вон Балахна белеет,
А коли б ясно, пожалуй, виден был бы Городец.
Уж солнце скоро сядет, и все небо
Как загорится.

¹ Московское общество драматических писателей и оперных композиторов, С. - Петербургское / Петроградское / Ленинградское отделение: общество существовало в 1904-1930 гг., занималось защитой авторских прав. — *Пояснение публикатора.*

² Театральный отдел Наркомпроса РСФСР (1918-1920), Петроградское отделение. — *Пояснение публикатора.*

П.

Знаешь, Федя,

Вот часто под вечер, когда смотрю за Волгу,
Так тянет в лес, уйти куда-нибудь далеко,
Совсем далеко, за Ветлугу что ли...
И все идти, идти; чтобы садилось солнце,
Река текла и мы с тобою пели.
И часто кажется, что мы уж странники,
Что Волга, стадо, лес, дома
Чужое уж, не наше, правда, Федя?
А ты всегда мне кажешься со мной.
С чего бы это?

Ф.

Не знаю, право.

Выдумываешь что-то. Домой пора.

П.

Ты дочитаешь повесть об Асафе
Царевиче, да?

Ф.

Ладно. Ну, идем.

1894

2

Как воздух полн морскими травами.
Луна взошла на свой зенит,
А даль старинными октавами,
Что Тассо пел еще, звенит.
Когда ж, от ласк устав, я падаю,
И сон махнет тебе крылом,
Зачем будить нас серенадою,
Зачем нам помнить о былом?

9 августа 1909

3

Не верил я разлуке навсегда,
Пускай меня изгнанье посетило:
Заблещет вновь рассветная звезда,
Взойдет опять румяное светило.

Не брошу я убогого кормила,
Хоть плещется холодная вода.
И правя челн туда, где все, что мило,
Не верю я разлуке навсегда.

Зачем вы мне, — веселья города?
Зачем ты мне, — печальная могила?

Опять придут счастливые года,
Пускай меня изгнанье посетило.

Вздувает ветер шумящее ветрило,
Бежит за мной послушная бразда,
И дым струит любовное кадило,
Заблещет вновь рассветная звезда.

Забудется грозящая гряда,
Спокойствие нас мирно посетило,
И — верности обещанная мзда —
Взойдет опять румяное светило.

И ты не верь, что чувства притупила
Протекшая, хоть горькая беда,
Как ярости враждующего пыла
(Клянусь, клянусь) ни разу никогда

Не верил я!

1909 август

4

Крепче, крепче мне помогай!
Вот и подъезд — неужели опоздали?
Глупое сердце, в грудь не бей!
Слышатся скрипки из окон зала,
В дверях смеется высокий лакей,
Но вот показались рыжие лошадки.
Зачем, зачем он так хорош,
Зачем эти минуты так горьки и сладки,
И меня бросает то в жар, то в дрожь?
Вышел из экипажа легкой походкой,
Прошел, не глядя, шпорами звеня.
Верная звезда, верная лодка,
Вы и сегодня не обманули меня.
Дома все спят, трещит лампадка,
Завтра вставать будет такая лень,
Цветов я не достала, это, конечно, гадко.
Без цветов придется встретить Троицын день.

7 февраля 1911

5

Как дали, пробужденные трубою,
С холма на холм несут живой ответ,
Где б ни был я, мечта моя с тобою,
Где б ни был ты, она летит вослед.
Пусть за окном и холодно, и грязно,
В моей душе цветет веселый май.
Но тайный голос шепчет неотвязно:
«Все, что придет, смиренно принимай».

1911

6

Лишь тот, кому минуло шестнадцать лет,
Может меня понять.
Того, кто не знает еще «да» и «нет»
Так сильно, так сладко
Может любовь пленять.

Брожу, горя,
Я целый день.
То весь горю я,
И встать мне лень.

То жар, то холод.
Не ем, не сплю.
Ах, что мне голод:
Я все стерплю.

А спросит кто:
По ком вздыхаю, —
«И сам не знаю...
Она — никто».

Лишь тот...

Дрожу, как рыбка,
И все мне — яд:
Поклон, улыбка,
Случайный взгляд.

В дому ли, в поле:
Покоя нет.
Не мил мне боле

Весь белый свет.

А спросит кто:
По ком вздыхаю?
«И сам не знаю:
Она — никто».

Лишь тот...

1911

7

О.А. Глебовой-Судейкиной

Сердце, биться так не надо,
Сердце, в грудь мою не бей!
Зазвучит ли серенада,
Что дает мне чичисбей?
Скажут все: «богиня Флора»,
Все на Флору и глядят,

Но для дерзкого для Вора
В этом взоре — смертный яд.
Все готова дать из рога,
Кто ж возьмет мои цветы?
Ах пуста, пуста дорога,
И нейдешь, мой милый, ты!
Заблестит слеза во взоре,
Но не стоит тосковать,
Хоть придется милой Флоре
Без танцора танцевать.
Чу! скрипит песок в аллее!
Уж не ты ли, милый друг?
Щеки пламенем алеют,
В сердце радость и испуг.
Жажду твоего признанья!
Кто любил, меня поймет...
До свиданья, до свиданья:
Никогда любовь не ждет.
Если Вас пленить игрою
От весны дана мне власть,
Помните, что нас ведь трое:
Балетмейстер, я и страсть.
1910-е

8

В горнице затворимся,
Богу со слезами молимся:
«Пошли ты нам, Спасе, утешителя,
Душ наших целителя,
В жизни водителя».
1910-е

9

Дорога тяжелая, черная, пыльная,
Дорога тянется — нет ей конца...

Рожь и слева и справа колышется —

Рожь зрелая, желтая, гнется к земле...
Зной лютый, томительный, жажда палящая,

И негде укрыться, отдыха нет...

Иду по дороге с тяжелым я посохом,
Иду я, обнявши малютку мою,
Ее, восьмилетнюю крошку мою...

Ты странника бедная, бедная спутница,
Ты, Божье дитя, ты, подружка моя,
Со мною ты горького много изведаеть,
Со мной неразрывно в страданьи одном!

В лохмотье одеты мы, грязные, всем на посмешище,
Босые ноги тонут в мягкой пыли,
Пыль черная, слоем густым покрывает ноги –
И много людей нам навстречу идет...

Идут нам навстречу, чужие, враждебные,
Всё грубые, пьяные, злые идут,
И вновь и все вновь появляются издали,
И сколько прошло их, нельзя перечесать,
Идут и поносят словами нас бранными,
Поносят, смеются, желают нам зла,
Поносят ее, безответную странницу,
Ее, восьмилетнюю крошку мою!

Мы молча выносим позор, поношения,
Ответа никто не услышит от нас,
И Божье дитя, безответную странницу,
Подружку мою, не могу защитить...
В пыли и в лохмотьях, под зноем томительным,
Мы молча идем... еще долг наш путь...
1923—1924

Литературный европеец. — Франкфурт на Майне, 2001. — № 46, дек. — С. 50—55
(с исправлениями).